

А Л Я К Ъ Ю Т

Катя
и
Лев

ЛЮБОВЬ,
КОТОРАЯ МЕНЯЕТ
ВСЁ

Аля Кьют

Катя и Лев

<https://litres.ru/74093608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Катя считала Льва почти братом.

Пока однажды он не увидел её полураздетой — и всё между ними не стало слишком неправильным.

Она готовится к поступлению в университет. Он валяет дурака и не знает, что делать со своей жизнью. Они живут под одной крышей в жаркой Тоскане, пытаются держать дистанцию и делают вид, что между ними ничего нет.

Только взгляды становятся слишком долгими.

Прикосновения - слишком опасными.

А чувства, которые не должны были появиться, уже невозможно остановить.

Содержание

Глава 1. Возвращение блудного сына	4
Глава 2. Не вовремя	19
Глава 4. Тоньо	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Аля Кьют

Катя и Лев

Глава 1. Возвращение блудного сына

Катя

Я ждала его с самого утра. Смешно, глупо и немного стыдно. Мне восемнадцать, а не восемь. У меня на носу поступление, куча дел и вполне взрослая жизнь.

Но внутри всё равно было это странное, почти детское волнение.

Лев должен был приехать сегодня.

Я уже дважды заглядывала в окно, проверяла телефон, перечитывала его короткое «буду днём» и ловила себя на том, что улыбаюсь... просто так.

Глупое волнение снова привело меня к шкафу. Я в третий раз решила переодеться. Короткое платье показалось глупым и давило в груди.

- Да господи... - пыхтела я, стягивая с себя платье.

Оно не хотело меня покидать, цеплялось за волосы, прилипало к коже. Освободившись, я бросила платье на кровать

и открыла дверцу шкафа шире. Провела рукой по вешалкам, остановилась на комбинезоне, передумала. Он слишком нарядный, что ли?

Я не хочу наряжаться для Льва. Много чести. Он всего лишь сын Богдана и мой сводный брат.

Громко дыша, я стала перебирать вещи, бормоча под нос.
- Слишком простое, слишком яркое, слишком прозрачное. А такое я вообще сто лет не ношу...

Я осталась в одних трусиках, было приятно. Жара стояла адская. Кондиционер едва справлялся. Я упёрла руки в бока и тряхнула растрепанными волосами.

Веду себя как идиотка.

- Ну и что ты делаешь вообще... - пробормотала я себе под нос.

Оставив в покое шкаф, я полезла на полку, где лежали мои любимые футболки. Бросила одну из них на кровать к платью и стала доставать шорты.

- Есть кто живой? - раздалось у меня за спиной. - Эй?

Мы увидели друг друга одновременно.

Я - в трусах, с шортами в руках, с распущенными волосами, стоящая посреди комнаты, как пойманная на месте преступления.

Он - в проёме, с сумкой через плечо, запыхавшийся после дороги.

Я почувствовала, как лицо мгновенно вспыхнуло. Навер-

ное, на моих щеках можно было жарить яичницу. Я запоздало догадалась прикрыться шортами, которые держала в руках, и скрестила зачем-то ноги.

А Лев... Он смотрел на меня не моргая.

- Ты... - выдохнула я.

Мой так называемый братец и не думал отвернуться, прикрыть глаза рукой или уйти.

Едва я осознала это, меня накрыло.

- Ты что, вообще охренел?! - хрипло рявкнула я.

Я схватила майку с кровати и прижала к груди вместе с шортами, будто это могло хоть как-то меня спасти.

- Стучать не учили?!

Лев не двигался. Вообще. Он стоял и смотрел.

И этот взгляд, неподвижный, ошеломлённый, слишком сосредоточенный, выбесил меня ещё сильнее.

- Лев! - я почти закричала. - Отвернись!

Он резко моргнул, будто только сейчас очнулся, повернул голову в сторону резко и неловко.

- Я думал... - начал он, но запнулся.

- Отлично ты думал! - отрезала я.

Я быстро натянула футболку, дернула её вниз, чувствуя, как пальцы всё ещё дрожат.

- Ты совсем с ума сошёл? - прошипела я. - Врываешься без стука!

Он провел рукой по затылку, пока я натягивала шорты. Ноги тоже дрожали. Хорошо, что я не упала к ногам братца.

- Я не знал, что ты здесь.

- А если бы знал - постучал бы, да?

- Да, - спокойно ответил Лев. - Это была моя комната, Катерина.

Я фыркнула.

- Сто лет назад.

Он всё ещё стоял спиной.

- Можно повернуться? - спросил Лев.

Я раздраженно цокнула, но позволила.

- Уже да.

Он повернулся и снова посмотрел на меня, но теперь иначе. Более сдержанно. Почти осторожно.

И всё равно... не так, как раньше.

- Привет, - сказал он, будто ничего не произошло.

Я уставилась на него.

- Серьёзно? Вот так?

Он чуть усмехнулся.

- А как надо?

Я развела руками.

- Ну, не знаю... может, надо извиниться?

- Я уже извинился.

- Нет, ты сказал, что «думал, что никого нет».

- Это и было извинение.

Я уставилась на него и невольно стала рассматривать. Лев изменился.

Черты стали жёстче. Взгляд - спокойнее, тяжелее. В нём

появилось что-то, чего раньше не было.

И это немного пугало и одновременно разжигало любопытство.

Я совсем не знала, как теперь с ним общаться. Как только я подумала, что мы оба теперь взрослые, Лев сделал шаг вперед и растрепал мои волосы до электрического треска.

- Брось дуться, мелкая, - беспечно проговорил он и стиснул мои плечи. - Я рад, что ты дома.

Лев прижал меня к себе на несколько секунд, крепко обнял. Косточки хрустнули от его медвежьей ласки, но, кажется, я услышала, как быстро стучит его сердце. Или это был мой бешеный пульс в ушах?

Разорвав краткие объятия, Лев взял меня за руку и потащил вниз.

- Налей мне чего-нибудь холодного, - проговорил он, продолжая сжимать мою ладонь.

Мы спустились вниз по лестнице, и в гостиной я отстранилась. От греха подальше.

- Кухня там, - указала я. - Или хочешь пообедать на террасе?

- Чтобы зажариться? Нет, спасибо. Так просто ты меня не сживешь со свету, мелкая.

Искать остроумный ответ у меня не было сил и желания. Поэтому я просто махнула на него рукой и прошла к холодильнику.

Я достала сок, стакан и налила целый.

- Ты хотел пить, - напомнила я Льву.

Он не торопился утолить жажду, стоял, подпирая косяк плечом, осматривал кухню.

- Тут вообще ничего не изменилось, - сделал он вывод.

- Тебя не было четыре года, а не четыреста лет.

Лев покосился на стакан, что я оставила на столе, и его взгляд смягчился.

- Ты помнишь, что я люблю грейпфрутовый сок.

Я почему-то снова вспыхнула. Потому что действительно помнила и налила его на автомате, не задумываясь. Чтобы немного отвлечь внимание, я сказала:

- Да, мама купила его вчера. И сделала твою любимую пасту с морепродуктами.

- Вы ждали меня, - проговорил он и сглотнул. - Это чертовски приятно.

Я замерла, решив, что сейчас он снова полезет обниматься. Мне нужно приготовить даже для короткой близости.

Но Лев еще раз прочистил горло и не стал ко мне прикасаться. Он сел за стол поднес стакан к губам. Сделав несколько глотков, скривил лицо.

Я тоже передернула плечами, вспомнив вкус грейпфрута.

- Кошмар. Как ты пьёшь эту кислятину.

- Кайф, - не согласился Лев. - В этом и суть. Не люблю сладкое.

Достав тарелку, я наложила ему пасту.

- Она немного остыла. Подогреть?

- Нет, так пойдет.

Я вручила ему еду.

- Мммм, обалденно, - оценил Лев сразу. - Почти горячая.

С ума сойти. Нина ушла недавно?

- Да. У Матео в школе родительский день.

- Отец на тренировке?

- Как обычно.

- А ты...

- А я дома. Встречаю тебя.

Закручивая пасту на вилку, он посмеивался.

- Все-таки кое-что изменилось. Теперь ты меня встречаешь и кормишь.

Он ослепительно улыбнулся, и я хихикнула.

- Ага, раньше все было наоборот. Ты меня встречал со школы, кормил и присматривал, - закивала я.

- Вот это были времена, да?

Лев подмигнул и снова все внимание обратил на еду.

- Ты надолго приехал? - спросила я.

- Посмотрим, - промямлил он с набитым ртом.

Богдан тоже ничего толком не сказал про планы Льва. Он просто приехал, хотя до этого как будто забыл о нас. На четыре года.

- Дорога нормальная была?

- Да.

- Без приключений?

- К сожалению, - хмыкнул он.

Я невольно усмехнулась.

- Ты как всегда.

- А ты, как всегда, задаёшь странные вопросы.

- Они не странные, а вежливые.

- Слишком вежливые, - поправил Лев.

Я закатила глаза.

- Ну извини, что не ору на тебя, как пять минут назад.

Он сделал глоток сока.

- Можешь орать, если хочешь.

- Не хочу. Уже наоралась.

Он кивнул, будто принял это, и продолжил есть. Лев больше ничего не говорил, пока не вычистил тарелку до последней крошки.

Я наблюдала.

И снова ловила себя на мысли - он стал другим.

Движения увереннее, медленнее.

В нём появилось какое-то внутреннее спокойствие, которого раньше не было.

Когда он доел, я забрала тарелку и поставила в раковину.

- Ты надолго? - снова спросила я.

- Я же сказал - посмотрим.

- Это не ответ.

Он поднял взгляд.

- А какой тебе нужен?

Я пожала плечами.

- Конкретный.

Он чуть наклонил голову.

- Пару месяцев, может.

Я замерла.

- Серьёзно?

- Да.

- Просто... поживёшь тут?

- Ну да.

- А работа? Учёба? Жизнь?

Он усмехнулся.

- Это всё и есть жизнь.

Я поморщилась.

- Ты невозможный.

- Я в поиске, - спокойно сказал он.

- Ты валяешь дурака.

Он не обиделся.

- Возможно.

Я скрестила руки на груди.

- Тебе двадцать два, Лев. Ты толком нигде не учился и не работал.

- Спасибо, что напомнила. Мать выгнала меня из дома два дня назад. Без ее нотаций я почти забыл, что ни черта не умею.

У меня дыхание перехватило.

- Мать тебя выгнала? - повторила я как попугай.

- Угу, - промычал Лев.

- Я не знала.

- Я не писал об этом в соцсетях.

- А Богдан...

- Не знает, - кратко ответил Лев. - Буду признателен, если ты пока об этом помолчишь.

Я прикусила губу и кивнула.

Воинственный тон Льва не оставил мне шанса на продолжение расспросов. Если честно, я уже узнала больше, чем хотела.

Родители никогда не обсуждали при мне своих бывших, но я все равно знала, что мама Льва - та еще заноза. Собственно, сам Лев регулярно ругался с ней по телефону с самого детства. Кто бы мог подумать, что она может поступить с ним так.

Переваривая новости, я неловко топталась у стола. Вроде надо его поддержать, но у меня не было идей, как сделать это без жалости. Ее Лев точно не потерпит.

- А ты? - спросил он через минуту моего напряженного молчания. - Какие планы?

Я выдохнула. Вот это было проще, понятнее.

- Поступать буду.

- Куда?

- Милан или Флоренция. Еще не решила. И не факт, что возьмут.

Он кивнул и сразу уточнил:

- История искусств?

Я вздрогнула.

- Откуда ты знаешь? Богдан говорил?

- Нет. Но это же логично.

- Почему?

- Ты всегда этим жила. Ходила в художественную школу, а рисовать толком не умела никогда. Но обожала теорию. Это твой любимый предмет в художественной школе.

Я на секунду растерялась.

- Ты помнишь?

Он посмотрел прямо на меня и сказал:

- Я много чего помню.

Мне снова стало неуютно от его слов и от этого взгляда.

Я отвела взгляд.

- Ну да, - тихо сказала я. - Хочу попробовать.

- Получится.

Я усмехнулась.

- Ты так уверен?

- Да.

- С чего вдруг?

Он пожал плечами.

- Потому что ты не из тех, кто сдаётся.

Я замолчала. Почему-то его слова тронули меня до глубины души. Во мне все сомневались, а Лев вдруг свалился как снег на голову и уверен в моем успехе.

Очень странно, но приятно.

- Посмотрим, - сказала я, возвращая ему его же слова.

Он чуть улыбнулся и повторил эхом:

- Посмотрим.

Тишина снова повисла в воздухе.

Я подняла взгляд и снова встретилась с его глазами. Лев смотрел на меня спокойно и внимательно. На этот раз я не отвернулась сразу.

И это было ошибкой. Потому что внутри снова что-то сдвинулось. Медленно, но уже необратимо. Чтобы отвлечься, я решила помыть посуду.

- Чем собираешься заниматься? - продолжала я его допрашивать, пока споласкивала тарелку.

- Жить.

Я закатила глаза.

- Ты вообще не меняешься. Совсем как наша кухня и па-ста.

Я сразу пожалела, что нагрубила. Но слово - не воробей. Лев не обиделся. Он продолжал потягивать свой кислый сок и сверлить меня глазами.

- А ты - наоборот, Кать. Очень изменилась. Внешне особенно.

Я вытерла и убрала тарелку, захлопнула дверцу шкафа чуть громче, чем нужно.

- Это плохо?

Лев не ответил сразу. И это молчание было хуже любого ответа.

- Нет. Пожалуй, все с тобой хорошо, - хрипло проговорил

он спустя бесконечные десять секунд.

Я повернулась и поймала его взгляд. Тот самый.
Слишком внимательный.

Слишком взрослый.

Слишком... личный.

И в этот момент меня пробрало. Потому что я вдруг поняла одну неприятную вещь. Он помнит не только, как я любила историю искусств, но и как я выгляжу без одежды. Он раздевал меня глазами! Поэтому я и нервничала.

Меня бросило в жар. По спине потек пот.

Я должна была запретить ему пялиться и улыбаться так пошло, но не хватило смелости. Вместо этого решила просто сбежать от этих наглых синих глаз.

- Если не возражаешь, я приму душ, - буркнула я и пошла к лестнице.

Лев догнал меня на второй ступеньке.

- Да, я бы тоже сполоснулся с дороги, - проговорил он, дыша мне в спину. - Какую комнату мне можно занять?

Я чуть не застонала в голос. Именно это мне и поручила мама - показать Льву его комнату. Но у нас все пошло наперекосяк, и я забыла.

- В конце коридора, - махнула я рукой.

- Окей. Спасибо.

Он пошел к себе, взялся за ручку двери и обернулся.

- Эй, Кать...

- Чего? - Я тоже притормозила.

- Если ты переживаешь, что я видел твою грудь, то можешь посмотреть на меня голого. И будем квиты.

Я открыла рот и подавилась воздухом, закашлялась.

Лев заржал. Он застал меня врасплох и снова заставил покраснеть.

- Пошел ты! - гаркнула я, едва смогла снова говорить и дышать.

- Пошел, пошел, - согласился он, продолжая смеяться.

- И я не переживаю. Мне плевать!

- Да-да, я так и подумал. Но если что - заходи. Я оставлю дверь открытой.

Мне уже хотелось чем-нибудь в него бросить, но под руку ничего не попало. Лев ушел к себе. Дверь оставил приоткрытой.

Сволочь.

Своей дверью я зачем-то хлопнула.

Истеричка.

Яростно раздевшись, я побросала одежду на кровать. Там уже собралась маленькая кучка из отвергнутых вещей. Я пошла в душ, быстро сполоснулась и надела другую футболку и любимую джинсовую юбку.

А что? Наверное, Лев прав. Чтобы избавиться от неловкости, я тоже должна увидеть его голым. Тогда мы снова будем как брат и сестра. Без этого странного напряжения.

Я прошагала к его комнате и уверенно распахнула приоткрытую дверь.

- Ладно! Показывай себя без майки. Я согласна, - громко сказала я.

Только меня никто не услышал. На полу лежала раскрытая сумка. Рядом валялись джинсы, носки и футболка, в которых Лев приехал. Дверь в ванную была открыта, и там никого не было.

Он ушел.

Я присела на его кровать и вдруг почувствовала совершенно дурацкую обиду.

Как будто меня бросили посреди разговора, который только начался.

А как же я?

Зачем вообще приезжать, если сразу куда-то удрал?

Глава 2. Не вовремя

Лев

Я вернулся домой поздно. Настолько, насколько это вообще возможно в маленьком тосканском городке, где после десяти вечера жизнь словно сворачивается сама в себя.

Если честно - я тянул время.

Бесцельно бродил по улицам, сворачивал в переулки, останавливался у витрин уже закрытых кафе, делал вид, что куда-то иду, хотя прекрасно понимал - никуда.

Просто не хотелось возвращаться.

Я рассчитывал на Тоньо. Мой друг детства точно помог бы скоротать этот день подальше от дома и Кати. Но он, как назло, уехал в соседний город к родственникам.

Я провёл рукой по волосам и остановился на углу, глядя в темнеющее небо.

Дом был всего в паре минут отсюда. Давно стоило вернуться. Отец точно закончил тренировку. Да и Нина должна была вернуться с открытых уроков у мелкого. Я скучал по ним и хотел увидеться.

Но мне было стыдно.

По дороге я сто раз представил разочарование в глазах отца, когда скажу, что мать от меня отказалась и мне банально негде жить. Знал, что сам виноват. Знал, что Нина за ме-

ня заступится. Знал, что папа вздохнет, но не станет сыпать соль на рану прям сразу.

Все эти разговоры - и так испытание. И мне не стоило забывать о Кате.

Вот уж не думал, что она настолько усложнит мне жизнь.

После сегодняшнего инцидента мысль остаться с ней наедине вызывала странное, неприятное напряжение. А может, и приятное, но от этого я чувствовал себя еще хуже.

Даже минимальная возможность оказаться с ней дома вдвоем меня почему-то пугала. Если быть честным, дело было не только в неловкости.

Я усмехнулся себе под нос и отвернулся от витрины, в которой на секунду поймал своё отражение.

Спокойный. Собранный. Как будто всё под контролем.

Ложь.

Сцена из её комнаты до сих пор стояла перед глазами - слишком чёткая, слишком живая, чтобы просто отмахнуться. Я точно не был готов увидеть Катю в таком виде.

Теперь я вряд ли готов спокойно видеть её в любом виде.

- Что за бред, - тихо пробормотал я.

И всё-таки пошёл домой.

Когда я открыл дверь, в доме уже было светло и шумно. Голоса доносились из столовой - тёплые, живые, домашние.

Нина что-то рассказывала, Матвей перебивал её на каждом слове, отец смеялся - негромко, но искренне.

Обычный вечер в кругу семьи.

Моей семьи?

Я на секунду остановился в коридоре, прислушался и вдруг поймал себя на странном ощущении: будто я смотрю на всё это со стороны.

Слишком спокойно. Слишком правильно. Я разулся, стараясь не шуметь, и прошёл внутрь. Думал, проскользну сначала к себе, но Нина меня заметила.

- О, пришёл! Где ты пропадал?

Я застыл на месте, пожал плечами.

- Гулял.

Она встала из-за стола, подошла ко мне, взяла мое лицо в ладони и внимательно рассмотрела.

- Что за мужчина! С возвращением.

Я усмехнулся и обнял жену отца.

- Спасибо, Нин. Ты тоже отлично выглядишь.

- Подхалим. - Она ласково стукнула меня по плечу.

Нина посмотрела внимательнее, чуть дольше, чем обычно, но ничего не сказала. Просто кивнула.

- Иди, поешь. Мы как раз сели.

Я кивнул и прошёл к столу. Катя сидела сбоку. Я почувствовал её взгляд раньше, чем поднял глаза. И всё равно посмотрел.

Наши глаза встретились на секунду, но она показалась мне слишком долгой.

В её взгляде мелькнуло что-то - неловкость, напряжение, может, даже лёгкий вызов.

Она отвела глаза первой.

- Привет, - сказала тихо.

- Привет.

Мы оба сделали вид, что этого достаточно.

- Лева, привет. Ты приехал! - брат радостно замахал мне рукой.

Я взъерошил его волосы и подошел к отцу.

- Па...

Он встал и обнял меня крепко, похлопал по спине и приподнял над полом. Я ухнул от неожиданности и захохотал. Старик в форме.

- Где носило такого дяденьку красивого, - пробасил отец.

- Гулял, - ответил я ему кратко, как и Нине.

- Четыре года?

Папа покачал головой, понимая, что я ему не буду отвечать. Мы уже все это обсуждали. Вернее, он делился своим мнением, а я молчал как сыч.

- Ладно. Ты здесь, и это уже неплохо, - сделал вывод он, отпуская меня. - Присоединяйся. Мы ужинаем.

Я сел напротив Кати, потому что это было единственное свободное место.

Везение.

Нина поставила передо мной тарелку и налила стакан сока. Грейпфрутовый сок, как всегда.

- Голодный ведь?

- Нормальный.

Она улыбнулась.

- Это не ответ.

- Голодный, - поправился я.

Отец хмыкнул, не поднимая взгляда от тарелки.

- Вот, другое дело.

Я взял вилку и принялся заглатывать запечённый картофель.

Разговор за столом продолжался, словно ничего не изменилось. Обсуждали школу Матео, какие-то смешные мелочи, кто что забыл, кто что уронил. Матвей размахивал руками, перебивал сам себя, Нина пыталась его успокоить, отец вставлял короткие реплики.

Я слушал вполуха. Слова проходили мимо, не задевая.

Зато слишком отчётливо ощущалось другое - её присутствие.

Катя сидела прямо. Ее плечи были напряжены. Я видел это прекрасно. Она смотрела на мать, на Богдана, улыбалась брату, но избегала меня.

Зато я постоянно пялился на нее. Она притягивала внимание сильнее, чем любой разговор.

Каждое движение, каждый шорох, даже то, как она поправляла волосы, - всё это почему-то меня теперь очень сильно интересовало.

А я ведь раньше пытался всеми способами отделаться от мелкой сестры-прилипалы.

- Лев, ты слышал? - голос Нины вернул меня в реальность.

- А?

- Я говорю, Катя поступать в Милан собирается.

В ее голосе звучала гордость и тревога одновременно. Нина переживала за дочь, но не могла не похвастаться. Я изо всех сил постарался подавить в себе зависть, раздражение и ревность.

Вся семья теперь глазела на меня. Даже Матео. Они ждали ответа, и простым мычанием я точно не отделаюсь. Надо иметь свое мнение по поводу важных семейных событий. Для меня это непривычно. Я совсем забыл, как живет отец и нормальные люди.

Катя тоже смотрела на меня в упор и не моргала.

- Да, - сказала она, будто между прочим. - Я говорила Лёве днем. Он в курсе.

Я кивнул.

- Угу, в Милане вроде крутой факультет. Мелкой там будет интересно, - сказал я, едва прожевал.

Отец сразу включился в обсуждение:

- Там конкурс большой, Кать. Нужна хорошая презентация.

- Я знаю, - ответила она немного раздраженно.

Кажется, они не в первый раз заводят эту тему, и Кате это не нравится.

- Подготовка нужна серьезная, - вторила мужу Нина.

- Я готовлюсь, мам.

В голосе Кати появилась жёсткость.

Я невольно усмехнулся. Вот это я помнил хорошо. Упрямая как бык. Уверен, родители сто раз пытались на нее повлиять и без результата. Хитрый папа теперь пытается привлечь меня.

- Помни, что в местном колледже тоже есть похожий факультет, - напомнил ей отец. И тебя уже туда зачислили автоматом.

Катя закатила глаза.

- Меня не интересует сельский колледж, Богдан. Сто раз уже говорила. Милан, Фло и Болонья в крайнем случае.

Катя сжала губы, готовясь отстаивать свое мнение. Нина попыталась вторить мужу.

- На всякий случай, Кать...

- Она справится, - перебил я. - Поступит в Милан.

Все на секунду замолчали. Нина посмотрела на меня с лёгким удивлением, отец - с интересом.

Только Матвей потерял интерес и весь свой энтузиазм направил на картошку и жареные колбаски.

Катя чуть прищурилась, будто пыталась понять, серьёзно я или просто ляпнул.

- Спасибо, - тихо проговорила она.

Я пожал плечами и отвёл взгляд.

Лучше не смотреть на нее слишком долго, а то опять начну вспоминать нечто неприличное и несвоевременное. Я дёрнул уголком губ, принимая Катину благодарность, и тоже

стал тыкать вилкой в колбаски на тарелке.

- А ты, сын? - вдруг спросил отец.

Да, отличный маневр, Лев. Отвлечь внимание от Кати на себя, как будто отец забыл бы меня допросить и без этого.

- Какие у тебя планы?

Я откинулся на спинку стула, чувствуя, как внутри поднимается привычное раздражение.

- Не знаю. Я пока думаю.

- О чём?

- О жизни. О будущем.

Папа усмехнулся.

- Опять? Ты так часто думаешь о жизни и будущем. Может, стоит попробовать поступить на философский?

Пришла моя очередь сжимать губы и раздраженно выдыхать.

Нина мягко вмешалась, сглаживая:

- Лев, и правда. Может, тебе тоже попробовать поступить? Если вы с Катей будете учиться вместе...

- О, мам, перестань, - вмешалась Катерина. - Мне не нужна в универе двухметровая нянька. Я уже взрослая.

Катя посмотрела на меня, снова нуждаясь в поддержке, но в этот раз я был готов встать на сторону Нины. Катерина, конечно, совершеннолетняя, но не очень взрослая. Представив толпу отутюженных миланских придурков, которые будут крутиться вокруг нее, я напрягся.

- У меня не сложилось с науками, - проговорил я ней-

трально. - Не уверен, что хочу учиться.

- Пора хоть в чем-то определиться, Лев, - сказал отец. - Нельзя всё время плыть по течению.

Я сжал челюсть. Пауза повисла в воздухе, плотная, тяжёлая.

Катя молчала, но я чувствовал - слушает.

- Я разберусь, - коротко сказал я.

Отец кивнул, принимая ответ, но не соглашаясь. Матвей уронил на колени спагетти, и Нина стала помогать ему почистить штаны. В этот момент мелкий пожелал сок. Богдан велел жене сидеть, и сам пошел на кухню.

Разговор свернули. Все сделали вид, что всё в порядке. Ужин продолжился.

Но внутри у меня полыхал огонь, и хотелось скорее свалить от неудобных вопросов и взглядов.

Я доел быстрее всех.

- Я к себе, - сказал, вставая из-за стола.

Отец не оценил мою попытку дезертировать, но Нина быстренько сказала:

- Давай. Отдохни после дороги. Выспись как следует.

Я вышел из столовой, поднялся по лестнице и закрыл за собой дверь.

Тишина накрыла сразу. Я сел на кровать, провёл руками по лицу и медленно выдохнул. Сбежал я удачно, но зря. Придется поговорить с отцом и Ниной. Мне нужно объясниться.

Папа разрешил приехать, не задавая вопросов. Пользо-

ваться его добротой молча - это свинство.

А еще мне нужно узнать, какой тут у всех распорядок дня. Когда уезжает отец и уходит Нина. Так будет проще не оставаться с Катей наедине.

Я не хотел снова испытывать эту странную неловкость. И в то же время слишком хотел.

Глава 3. Твой дом

Я долго ворочался, пытаюсь уснуть, но сон даже не думал приходить.

В доме давно стало тихо. Где-то за стеной мерно гудел кондиционер, из сада тянуло теплым ночным воздухом и жасмином. Я лежал, закинув руки за голову, и смотрел в потолок.

Стоило закрыть глаза — и передо мной снова возникала Катя.

Растрепанная. Злая. Полуголая.

С этим своим:

«Ты охренел?!»

Я тихо застонал и потер лицо ладонями.

— Да чтоб тебя...

В двадцать два года нормальные мужики строят карьеру, спят с женщинами, думают о будущем. А я лежу в кроватке один и схожу с ума из-за дочки мачехи.

Прекрасно.

Я резко сел, понял, что дальше только хуже, и вышел из комнаты.

Дом ночью выглядел совсем иначе. Свет из кухни уже погас, только над верандой горела теплая лампа.

Именно туда я и направился.

На террасе негромко поскрипывали качели.

Отец и Нина сидели рядом, о чем-то тихо разговаривая. Она устроилась боком, поджав под себя ноги, а отец лениво придерживал ладонью спинку качелей за ее плечами.

Слишком мило. Я поморщился.

Почти десять лет вместе, а ведут себя так, будто до сих пор на стадии первых свиданий.

Я уже успел отвыкнуть от этой их странной, почти раздражающей нормальности.

От того, что люди могут жить вместе и не уничтожать друг друга.

Нина заметила меня первой.

— О, джетлаг? — улыбнулась она. — Иди к нам.

Я хотел отказаться. Уже даже открыл рот, но отец указал на кресло рядом с качелями и спокойно сказал:

— Садись.

Пришлось выйти из тени и подойти ближе.

Я опустился в кресло напротив них, вытянул ноги и сцепил руки на животе.

Нина внимательно посмотрела на меня. Слишком внима-

тельно.

Иногда мне казалось, что она видит людей насквозь. Не лезет в душу, не давит, но замечает больше, чем стоило бы.

— Что у тебя случилось с матерью? — вдруг спросил отец.

Я поднял на него взгляд.

— С чего ты взял, что с ней?

Он усмехнулся уголком губ.

— Потому что у вас всё время что-то случается.

Нина тихо вздохнула, но промолчала. Отец качнулся на качелях и продолжил уже спокойнее:

— Ты три года шатался по Африке и ни о чем не просил. Как только вернулся на Бали — началось.

Я отвел взгляд в сторону сада. Ночь была тёплой, густой. Где-то стрекотали цикады.

— Она выгнала меня из дома, — признался я неохотно.

И почему-то именно сейчас понял, что Кате сказать это действительно было легче. Наверное, потому что она смотрела на меня без жалости.

Отец предсказуемо тяжело выдохнул, но не начал допрашивать. Не стал сразу читать мораль, только потер ладонью подбородок.

— Мда...

— Как вообще можно выгнать из дома собственного сына? — возмутилась Нина.

До этого она сидела тихо, просто слушала, но сейчас в ее голосе появилось настоящее раздражение.

Я пожал плечами.

— Обыкновенно.

Нина нахмурилась сильнее. Кажется, она собиралась сказать что-то ещё, но отец вдруг посмотрел на неё и неожиданно предложил мне:

— Хочешь, поговорим наедине?

Я аж брови поднял.

Не успел толком удивиться, как Нина уже начала подниматься с качелей.

— Да, конечно. Не буду вам мешать, — легко согласилась она. — Поболтайте тут вдвоем.

Она направилась к дому, а я несколько секунд смотрел ей вслед, не понимая, что вообще происходит.

Потом резко встал и догнал её у самой двери.

— Что за глупости? — возмутился я вполголоса. — Ты нам не мешаешь.

Нина удивленно обернулась.

— Лев...

— Серьезно. Вернись на качели к мужу. Иначе я вообще ничего рассказывать не буду.

Она рассмеялась тихо и тепло, будто я сказал что-то очень хорошее.

— Это шантаж?

— Да.

— Какой ужас, Богдан! — обернулась она к отцу. — Твой сын мне угрожает.

Отец только довольно посмеивался.

— Весь в меня.

Нина покачала головой, все ещё улыбаясь, и пошла обратно. И в этот момент меня вдруг накрыло странным, почти болезненным ощущением. Поразительно, что эти двое всегда думали о моем комфорте.

Физическом. Эмоциональном. Любом.

Даже сейчас.

Хотя я давно взрослый лоб, и, по-хорошему, сам должен разбираться со своей жизнью.

Мать никогда так не умела. Да и не пыталась, если честно. Весь мир всегда крутится вокруг нее одной.

А здесь...

Здесь почему-то всё ещё оставляли место для меня.

Я снова сел в кресло, вытянул ноги и какое-то время просто смотрел в темноту сада.

Рассказывать не хотелось.

Не потому, что отец или Нина не поймут. Скорее наоборот — поймут слишком хорошо.

А я уже устал объяснять людям, почему вернулся другим человеком.

Отец не торопил.

Качели тихо поскрипывали. Нина устроилась рядом с ним, поджав ноги под себя и кутаясь в тонкий плед, хотя ночь была теплой.

Дом за нашими спинами светился мягким желтым светом.

Почти открытка.

И почему-то именно из-за этой спокойной картинки говорить стало чуть легче.

— Я вернулся на Бали после Африки... пустой, — признался я наконец. — Совсем.

Отец внимательно посмотрел на меня, но не перебил.

— Там... — я провел ладонью по лицу, собираясь с мыслями. — Всё оказалось совсем не так романтично, как в моих фантазиях.

Я невесело усмехнулся.

— Люди почему-то думают, что волонтерство — это красивые фотки с детьми и чувство собственной важности. На самом деле, ты просто каждый день смотришь, как мир разваливается на куски.

Нина тихо выдохнула. Я отвел взгляд.

Перед глазами слишком ярко вспыхнуло воспоминание — жара, запах крови и пыли, крики.

— После очередного переворота началась кровавая неразбериха. Все международные организации сразу превратились во врагов. И мы вместе с ними, разумеется. На моих глазах убили врача из Красного Креста, — сказал я глухо. — Просто потому что он оказался не в том месте.

Повисла тишина. Даже цикады будто стали тише.

Отец медленно подался вперед, смотрел на меня из-под бровей.

— Проклятье... - выругался он. - В новостях и слова об

этом не было.

Я кивнул.

— Видимо, незначительное событие.

Нина обняла себя руками, и я заметил, как дрогнули её губы. Не хотелось пугать их ещё сильнее, поэтому я свернул историю

- Потом начали угрожать и нам. Пришлось уезжать из страны ночью, тайком. Местные помогли.

Нина прикрыла рот ладонью. Я пожал плечами, будто речь шла о чем-то будничном.

Хотя внутри до сих пор всё сжималось от воспоминаний.

— После таких приключений мне просто хотелось взять паузу, — сказал я уже спокойнее. — Я немного устал спасать весь мир.

Я усмехнулся краем рта.

— И понял, что это невозможно.

Отец сглотнул. В свете лампы его лицо вдруг стало старше.

— Да уж... — тихо проговорил он. — Хорошо, что ты хотя бы сам себя спас.

Он выдержал паузу и добавил уже тверже:

— Давай-ка пока завяжем с Африкой.

Я хмыкнул.

— Да. Я завязал.

Нина смотрела на меня как-то особенно внимательно. Не с жалостью — с тревогой.

И от этого взгляда становилось одновременно легче и тяжелее.

— Почему ты не приехал сразу к нам? — спросила она мягко.

Хороший вопрос.

Я сам до конца не понимал ответа.

— Не знаю, — признался честно. — Скучал по дому. По друзьям. По океану. По матери.

Последнее слово прозвучало почти неловко.

Отец чуть поморщился, но промолчал.

— И почему-то решил, что стану тренером по серфингу, — продолжил я. — Думал, смогу нормально жить. Работать. Не думать слишком много.

Папа неожиданно усмехнулся.

— Ну, это как раз звучит вполне реалистично.

Я поднял бровь.

— Серьезно?

— Конечно. Ты на доске творишь какую-то сатанинскую магию с детства. Бали вообще идеальное место для такой работы.

Он повернулся к Нине и с явной гордостью заявил:

— Ты бы видела, что он на волнах делает.

Я невольно фыркнул. Отец хвастался мной так спокойно и естественно, будто мне снова лет пятнадцать. Или пять.

И, что удивительно, Нина даже не попыталась спорить.

Наоборот.

— Видела, — сказала она с улыбкой. — В соцсетях.

Я уставился на нее.

— Что?

Она виновато пожала плечами.

— Да, я иногда слежу за тобой тайком. Не ругайся.

Я несколько секунд смотрел на неё, потом махнул рукой.

— Следи на здоровье. Мне не жалко.

Нина довольно улыбнулась.

— Вот и отлично.

Отец тихо хмыкнул:

— Теперь понятно, почему она знала о тебе больше меня.

— Потому что ты старый и не умеешь пользоваться интернетом, — автоматически ответил я.

— Наглец.

— Весь в тебя.

Нина засмеялась, качели снова тихо скрипнули, и на секунду всё стало удивительно простым.

Как будто меня здесь всё это время ждали.

Я наконец расслабился. Разговор перестал напоминать допрос, и напряжение понемногу отпускало.

Ровно до того момента, пока отец снова не вернул меня к самому неприятному.

— Так почему вы всё-таки поссорились? — спросил он спокойно. — За что мать тебя выгнала?

Я невесело усмехнулся.

Конечно. Было бы слишком наивно думать, что эта тема

исчезнет сама собой.

Я потер шею ладонью и отвел взгляд в темноту сада.

— Она не хотела, чтобы я, цитирую, «валял дурака на пляже».

Отец тяжело вздохнул, явно узнавая формулировку.

А вот Нина нахмурилась.

— Подожди... Но ты же там работал, а не просто катался?

— Работал, — подтвердил я. — Но для мамы это не работа.

Я поморщился.

Даже сейчас меня раздражало, насколько легко она обесценивала всё, что не вписывалось в её очередную идею фикс.

— Её новый бойфренд увлёкся искусственным интеллектом, — продолжил я. — И мама резко решила, что я тоже обязан. Учиться, развиваться, запускать какие-то курсы, продавать обучение...

Нина моргнула.

— Серьёзно?

— Более чем.

Отец тихо хмыкнул.

— И твой отказ она восприняла как личное оскорбление.

Я посмотрел на него с удивлением.

— Ты что, экстрасенс?

— Нет, — спокойно ответил он. — Просто достаточно долго был женат на твоей матери.

Я невольно усмехнулся.

— Угу, — кивнул я. — Сначала она просто уговаривала. Потом начала давить. Потом угрожать.

Я провел пальцами по подлокотнику кресла, вспоминая всё это с нарастающим раздражением.

— А через неделю заявила, что я обязан полностью оплачивать аренду дома. Иначе могу проваливать.

— И ты провалил, — тут же сделал вывод отец.

— Угу.

Нина смотрела на меня так, будто искренне пыталась уложить всё это у себя в голове.

В её картине мира родители, кажется, не выставляли детей за дверь только потому, что те выбрали не ту профессию.

— Слушай... — осторожно начала она. — Может, Настя всё-таки погорячилась? Позвони ей. Уверена, она уже жалеет...

Я покачал головой раньше, чем она договорила.

— Нин.

Она замолчала.

— Она сама собрала мои вещи, — сказал я спокойно, хотя внутри снова неприятно царапнуло. — Аккуратно. По пакетам. Даже зарядки отдельно сложила.

Нина растерянно замолчала.

— Ни о чем мама не жалеет. Я ей просто мешал дома.

Я пожал плечами, стараясь говорить легко, почти равнодушно.

— У неё новая любовь. Второй медовый месяц. Я вечно

не вовремя возвращался.

Отец помрачнел.

А я почему-то вдруг вспомнил этого её нового мужика — загорелого, слишком белозубого, вечно улыбающегося и рассуждающего о продуктивности и миллионах на онлайн-курсах.

Меня от него стало тошнить уже на второй день.

— Её бойфренду я тоже не нравился, — добавил я. — Так что всё логично.

Я махнул рукой, будто действительно уже всё равно. Хотя, если честно, пока ещё было не всё равно. Совсем.

— А ладно. Пофиг. Привык уже.

Повисла короткая тишина. Только качели тихо скрипнули.

— Вам тоже постараюсь не надоедать, — сказал я уже тише. — Найду работу и съеду.

Нина резко нахмурилась.

— Даже не начинай.

Я поднял на неё взгляд.

— Что?

— Вот это своё «не надоедать», — сказала она с неожиданным раздражением. — Ты не чужой человек, Лев.

Я невольно напрягся.

Такие фразы почему-то всегда били сильнее всего.

Отец посмотрел на меня спокойно и твёрдо.

— Это твой дом, — сказал он. — И останется твоим, даже

если тебе двадцать два, и ты опять решил спасти мир вместо нормальной жизни.

Я усмехнулся.

— Очень поддерживающая речь.

— Какая есть.

Нина вдруг встала с качелей, подошла ко мне и неожиданно взъерошила мои волосы, как маленькому.

— Господи, какой же ты всё-таки худой, — пробормотала она. — Тебя сначала откормить надо, а потом уже выселять.

Я фыркнул и попытался отмахнуться от её руки.

Но внутри стало... теплее. Чертовски непривычное ощущение.

Вместе с теплом и этой странной, почти необъятной благодарностью на меня вдруг навалилась усталость.

- Спасибо, что выслушали и не гоните, - проговорил я, стараясь не смотреть на Нину, которая с трудом сдерживала слезы.

Я встал и клюнул ее губами в щеку, хлопнул отца по плечу и поспешил свалить.

- Пойду спать. Что-то меня накрыло.

Я действительно зевал во весь рот, заходя в дом. Мне на миг померещилось, что на лестнице мелькнула синяя ткань подола платья или халата шелкового. Я был готов списать все на галлюцинации от недосыпа, но в этот момент наверху скрипнула дверь. Ее закрыли аккуратно, но все равно не бесшумно.

Я поднял голову зачем-то. И так понятно, кто подслушивал наши разговоры через дверь на кухне.

Катерина.

Я хмыкнул и пошел к себе. Завтра надо обязательно подразнить эту любопытную Варвару.

Мои планы держаться от неё подальше трещали по швам.

И я уже понимал, что промолчать не смогу.

Глава 4. Тоньо

Катя

Я почти не спала.

То проваливалась в какую-то вязкую дрему, то снова просыпалась и тарасилась в потолок, слушая, как за окном стрекочут цикады. Жара немного спала к ночи, ветер шевелил занавески, но легче от этого не становилось.

В голове всё равно крутился Лев.

Вернее — его голос на веранде.

Спокойный, хрипловатый после усталости. И эти его слова:

«На моих глазах убили врача из Красного Креста».

У меня до сих пор мурашки бегали по коже, стоило вспомнить.

Я вообще не должна была это слышать.

Когда спустилась ночью за водой и услышала голоса с террасы, собиралась пройти мимо. Честно. Но потом поняла, что они говорят про Льва, и... остановилась.

А дальше уже не смогла уйти.

Теперь меня мучило другое:

заметил он меня или нет?

Мне казалось — заметил.

В конце концов, дверью я всё-таки скрипнула. Да и шаги наверху он точно слышал. Но если Лев понял, что я подслушивала... почему ничего не сказал?

Хотя, может, ещё скажет.

Эта мысль не давала мне покоя до самого утра.

Я перевернулась на спину и уткнулась лицом в подушку.

— Господи, какой кошмар...

Сонно застонала и всё-таки заставила себя встать.

В доме было тихо. Мама, скорее всего, проводила Матвея и возилась в саду. Богдан, как всегда, на тренировке.

Я быстро умылась, собрала волосы в пучок и спустилась вниз, искренне надеясь, что кухня окажется пустой.

Ну или хотя бы там будет мама.

Потому что при ней Лев точно не станет издеваться надо мной за ночную слезку.

Наверное.

Я свернула в кухню и сразу замерла.

Ну конечно.

Лев был там один.

Он стоял ко мне спиной у плиты — босой, в серых спортивных штанах и черной футболке, которая обтягивала плечи так, что мне резко захотелось развернуться и уйти обратно наверх.

На плите кипела вода.

Лев обернулся через плечо, будто почувствовал меня ещё до того, как я вошла.

И тут же ухмыльнулся.

Всё. Заметил.

Я поняла это сразу.

— Доброе утро, любопытная Варвара, — лениво протянул

он.

У меня вспыхнули щеки.

Господи.

Земля, развернись.

— Я не подслушивала, — выпалила я слишком быстро.

Лев тихо хмыкнул и отвернулся обратно к кастрюле.

— Конечно.

Я ненавидела его в этот момент.

И себя тоже.

Потому что вместо того, чтобы гордо уйти, продолжала стоять в дверях и смотреть, как он вытаскивает яйца ложкой.

Спокойно. Уверенно. Как будто всю жизнь этим занимался.

— Будешь? — спросил он, кивнув на плиту.

Я моргнула.

— Что?

— Яйца, Кать. Не смотри так испуганно. Это завтрак, а не предложение руки и сердца.

Я закатила глаза.

— Ты с утра уже невыносимый.

— А ты с утра очень нервная.

Он сказал это без насмешки. Скорее констатировал факт.

И это почему-то смутило ещё сильнее.

Я подошла ближе и села за стол.

— Буду, — буркнула тихо.

— Отлично. Тогда живи.

Он поставил передо мной тарелку, а потом полез в холодильник за соком.

Я исподтишка наблюдала за ним.

За тем, как двигается. Как ерошит влажные после душа волосы. Как открывает шкафчики так уверенно, будто никуда не уезжал из этого дома.

Хотя вчера вечером выглядел человеком, который вообще не понимает, куда себя деть.

Странно.

Днём он казался самоуверенным засранцем. Ночью — потеряннм. А сейчас снова выглядел спокойным.

Только глаза были уставшие.

Лев поставил передо мной стакан сока и наконец устроился напротив. На секунду между нами повисла тишина.

Неловкая.

Тягучая.

Я судорожно пыталась придумать нормальную тему для разговора, но в голове крутилось только:

«Я слышала, что тебя чуть не убили».

И:

«Я мечтаю освоить серфинг».

И:

«Господи, почему ты такой красивый».

Умереть хотелось всё сильнее.

И, кажется, Лев прекрасно чувствовал моё состояние. Потому что уголок его губ снова дёрнулся.

— Расслабься, мелкая, — сказал он спокойно. — Я не собираюсь тебя сдавать.

Я нахмурилась.

— Кому?

— Твоим родителям. За незаконную прослушку семейных переговоров.

— Очень смешно.

— Мне — да.

Я фыркнула и принялась чистить яйцо. Пальцы почему-то плохо слушались.

Лев заметил и это.

Он вообще замечал слишком много.

— Ты всегда такая тревожная по утрам? — спросил он, отпивая сок.

— Нет.

— Тогда в чем дело?

Я подняла на него взгляд.

И неожиданно для самой себя выпалила:

— Про твою маму я тоже все слышала. Мне так жаль...

Лев замер.

Совсем ненадолго. Но я успела это увидеть.

Его лицо почти не изменилось, только взгляд стал внимательнее.

— Не надо меня жалеть, Кать, — сказал он тихо. - Я привык. Ничего нового не случилось.

И впервые за всё утро не ухмыльнулся.

Я сглотнула и отвела взгляд к окну, где солнце уже начало заливать двор теплым золотым светом.

Мама Льва приезжала к нам всего несколько раз, когда он был маленький. Но забыть её было невозможно. Даже мне, ребёнку.

Анастасия выглядела не как обычная женщина, а как какая-то дорогая реклама идеальной жизни. Безупречная кожа, длинные блестящие волосы, белоснежная улыбка, тонкие золотые украшения на загорелых руках.

От неё всегда пахло чем-то очень дорогим и холодным.

Мама рядом с ней казалась слишком живой. Настоящей. Домашней.

Анастасия никогда не задерживалась у нас надолго.

Приезжала, вручала Льва Богдану, быстро проходила по каким-то организационным моментам и уезжала дальше по своим делам.

Она всегда говорила уверенно и спокойно. Как человек, который точно знает, что мир крутится вокруг него.

Богдан с мамой были с ней предельно вежливы.

Хотя, если подумать, поругаться они бы просто не успели. Настя никогда не оставалась настолько долго.

Я медленно крутила ложку в руках, вспоминая один особенно странный вечер.

Мне тогда было лет шесть.

Льву — девять, наверное.

Анастасия приехала поздно, пробыла меньше часа и почти сразу уехала обратно в аэропорт. Помню, как Лев стоял у окна и смотрел вслед её машине.

А потом вдруг расплакался.

Сильно. По-настоящему.

Так, как дети плачут только тогда, когда внутри ломается что-то очень большое.

Я тогда испугалась.

Не слез, не рыданий. Мне было страшно за Льва.

Потому что до этого момента мне казалось, что он вообще никогда не плачет.

Я помнила, как осторожно подошла к нему. Как попыталась обнять.

Маленькая, глупая, с дурацким плюшевым зайцем в руках.

А он резко отстранился.

Даже не грубо.

Просто... не позволил.

Словно чужая жалость делала только хуже.

Я тогда ничего не поняла и обиделась. Кажется, даже расплакалась сама.

Но сейчас, глядя на сидящего напротив взрослого Льва, вдруг осознала:

наверное, именно с того дня у меня где-то внутри и отложилось — он не выносит жалости.

Лев тем временем спокойно чистил яйцо, будто не замечая, как я зависла в своих мыслях.

Хотя кого я обманываю.

Он всё замечал.

— Что? — спросил он, подняв глаза.

Я моргнула.

— Ничего.

— Врёшь.

Ненавижу его проклятую пронизательность. Мысли мои он умеет читать, что ли?

— Просто вспомнила, как ты в детстве плакал из-за мамы.

И тут же захотела провалиться под стол.

Ну всё.

Сейчас он точно меня убьёт.

Лев замер на мгновение. Его пальцы словно окаменели.

На секунду мне даже показалось, что он перестал дышать.

Потом он очень спокойно положил яйцо обратно на та-

релку и посмотрел на меня.

Без злости, но слишком внимательно.

— Ты и это помнишь? — тихо спросил он.

Я виновато пожала плечами.

— Немного.

Он отвёл взгляд и коротко усмехнулся. В этой усмешке совсем не было веселья.

— Вот черт. Позорище.

— Ничего не позорище, — вырвалось у меня быстрее, чем я успела подумать.

Лев снова посмотрел на меня. И почему-то от этого взгляда сердце ударилось о рёбра сильнее.

Я уже открыла рот, собираясь выдать что-нибудь в духе маминой терапии:

что плакать — нормально, а быть слабым не стыдно, особенно когда тебе девять, и мать снова уезжает черт знает куда.

Но договорить мне не дали.

На кухню вошла мама.

С растрепанным пучком, в старой футболке Богдана и с секатором в руке. За ней шагал Тоньо.

Высокий, загорелый, в выцветшей майке и шлепанцах. Он пах солнцем, морем и каким-то диким количеством парфюма одновременно.

— Эй, Лев. К тебе друг пришёл, — объявила мама.

Тоньо тут же расплылся в улыбке и выдал на своём чудовищном английском:

— Привет, бро! Где ты пропадал?

Я едва не фыркнула. Лев, кажется, тоже.

Но лицо у него мгновенно изменилось. Как будто внутри кто-то щелкнул выключателем.

Только что сидел напряжённый, колючий, с этим своим тяжёлым взглядом.

А теперь заулыбался.

— Да везде понемногу, — ответил он и поднялся из-за стола.

Они столкнулись посреди кухни, начали хлопать друг друга по плечам, обниматься и ржать так громко, будто не виделись миллион лет. Собственно, так и было.

Мама потеряла лоб и заулыбалась, наблюдая за ними.

С каким-то очень тёплым, почти материнским выражением лица.

Я поймала себя на странной мысли: она смотрит на Льва совсем не как мачеха.

Скорее... как человек, который давно считает его своим.

— Катя, ты поела? — спросила мама, оборачиваясь ко мне.

— Да. Лев покормил.

Мама снова умилилась.

— Как в старые добрые времена.

Я закатила глаза.

— Мам, мне было семь. Не преувеличивай.

— Зато он уже тогда варил яйца лучше меня, — невозмутимо ответила она. - Умеет делать идеальную пятиминутку.

— Это потому что ты их постоянно забывала, — напомнил Лев.

— Неправда! Не постоянно. Иногда. Я растяпа, признаю.

Лев потрепал маму по плечу и успокоил:

- Имеешь право, Нина. Слава богу, на тебя никто не орал за переваренные яйца.

Мама вздрогнула, и на мгновение ее лицо исказилось от ужаса. Я знала, что она вспомнила о моем отце в этот момент. Тот орал и за меньшее. Только воспоминания о прошлой жизни в России могли вывести ее из равновесия. Но мама быстро взяла себя в руки и кивнула Льву.

Тоньо уже полез в холодильник, Лев смеялся, мама возмущалась для вида.

- Тоньо, любовь моя, ты хоть руки сполосни, - выдала она с интонацией махровой итальянской синьоры.

- Нет времени, Нинель. Обещаю ничего не пачкать.

- А можно ин англиш говорить? Я ни черта не понял! - возмутился Лев.

- Мог бы выучить язык, юноша, - отругала его мама.

Кухня вдруг снова стала шумной, живой, семейной. Слишком уютной для моего душевного равновесия.

— Ладно, — вздохнула мама. — Я пойду ещё повожусь с розами. А ты занимайся!

Последнее она сказала мне. Я снова закатила глаза.

— Мам, я готовлюсь, - уверила я ее.

Она не стала спорить и вышла на улицу.

Я проводила её взглядом и только потом поняла, что Лев с Тоньо уже смотрят на меня.

Причём оба. С одинаково подозрительными физиономиями.

Мне это заранее не понравилось.

Тоньо прислонился бедром к кухонному островку, отпил сок прямо из пакета и вдруг стал рассматривать меня внимательнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.